

У ИСТОКОВ

Как вы знаете, мне пришлось стоять у истоков зарождения Лисаковского горно-обогательного комбината и города в целом. Директором еще несуществующего ГОКа я был назначен в 1962 году. Практически все шестидесятые годы мне и еще небольшой группе созданной конторы строящегося комбината пришлось, как говорят, большой кровью пробивать рождение нового горно-обогательного комбината. Как это было?

В 1962 году мы приехали сюда на совершенно голое место. Расположились в Козыревке. Первое, с чего начали, — река. Будущему комбинату, будущему городу прежде всего нужна вода, а Тобол, если помнят старожилы, был здесь узеньким, заросшим, маловодным — почти ручей. Приступили к строительству плотины — сначала маленькой Кзыл-Жарской, позднее Верхне-Тобольской.

К 1965 году Кзыл-Жарская плотина была готова. Второе, самое необходимое — железная дорога. Протянули ветку от маленькой станции под названием Куба.

Но все это были, если можно так сказать, цветочки. Проблемы начались, когда встал вопрос о лисаковской руде. И Караганда, и Магнитка наотрез отказались от нашей руды. Дело в том, что по содержанию железа она не очень богата, есть трудности с его извлечением. Кроме того, в ней присутствует фосфор, и при доменном производстве он идет в чугун, что ухудшает его качество.

Надо сказать, что мы твердо стояли на своих позициях — месторождение надо разрабатывать и, по моему убеждению, — магнетитовым способом (как я сейчас вижу, мои предположения оправдались). Шутка что ли — Лисаковское месторождение тянется на 110 км, по мощности — составляет 6 млрд. тонн запасов. Такого в Союзе больше нет.

В министерстве предложили нам связаться с Камыш-Буруном — там карьер с рудой подобного типа, построена обоганительная фабрика. И вот практически почти весь 1964 год мы просидели в Камыш-Буруне — руду из Лисаковска везли сюда (был отправлен 1 млн. тонн) и пробовали ее обогащать. Возникли свои сложности: в Камыш-Буруне использовалась руда с большим содержанием глины — она более близка Аятским бу-

рым железнякам, лисаковская же смешана с песком. Тем не менее у нас другого выхода не было. И вот первая обогащенная лисаковская руда пошла в Мариуполь на завод им. Жданова — получили чугуны. Для нас это событие стало большой радостью — чугун получился хороший. Кстати, он пошел на крепление Донбасских угольных шахт, и там отзывались о нем с одобрением.

Таким — и тяжелым, и одновременно радостным — выдался для рождающегося Лисаковского ГОКа 1964 год. Однако проблемы наши тем не кончились. Магнитка и Караганда по-прежнему отказывались от лисаковской руды. Помотались мы тогда — и в министерство, и в Совет Министров, и в Госплан. В конечном счете Госпланом была создана авторитетная комиссия, занявшаяся нашей проблемой. Решение ее было — Лисаковский ГОК строить, «прокрутить» все варианты обогащения руды, а их было тогда три: гравитационный, обжиг-магнитный и через печь ступенчато-взвешенного состояния.

Кажется, мы одержали победу. К 1966 году уже был готов проект застройки города. А тут новая неприятность: за первый квартал не получили ни копейки средств. Как выяснилось, деньги выделялись на строительство союзным министерством, а в республиканском министерстве ими распорядились по-своему, использовали на другие нужды.

В таком оказались тогда положении, все есть — документы, проекты и т. д., а денег нет. Я — в Москву, прямо в Совет Министров, председателем которого был Косыгин. Вот тогда и появилось знаменитое постановление, известное под номером 1001. По нему Лисаковская стройка признавалась особо важной, а, следовательно, ни копейки отчислений от выделяемых на нее средств просто не может быть. Так в 1966 году был дан «зеленый свет» строительству нашего города и комбината. С того времени вопроса быть или не быть Лисаковску уже не возникало, и мы приступили к собственно самому строительству. В 1967 году начал действовать карьер, в 1968 — создан строительный трест. Город рос, благоустраивался, хорошел.

Х. КУСЕМБАЕВ,
первый директор
Лисаковского ГОКа.